

УДК 398.33(470.57)(=470.344)

DOI 10.31483/r-106625

Петров И. Г.

ОБРЯД СЁРЕН В ЧУВАШСКИХ СЕЛЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы современного бытования очистительного обряда весеннего цикла сёрен у чувашей, проживающих на территории Республики Башкортостан. Указанная тема еще не становилась объектом научного изучения, чем и обуславливается актуальность данной работы. Цель исследования – изучение локальных особенностей обряда, а также процессов его трансформации на современном этапе, задачи – анализ историографии вопроса в научной литературе, общая характеристика сущности и содержания ритуала, его локальных проявлений в различных районах проживания чувашей, роли обряда в ритуальной практике. Исследование проведено с использованием принципов историзма, объективности, системности, конкретности, а также специальных методов полевой этнографии – включенного наблюдения и интервью. Работа основана на полевых материалах автора, собранных в 2002–2004, 2020, 2022 гг. в чувашских селениях западных, юго-западных, центральных и южных районов республики. Результаты исследования показали, что обряд сёрен за последние десятилетия претерпел значительные изменения. В большинстве населенных пунктов он полностью выпал из обрядовой жизни и остался в памяти старожилков, в других он подвергся редукции, сократился в масштабах и продолжает свое бытование как жизненно важный ритуал. Последнее, вероятно, обусловлено устойчивостью традиционных религиозных представлений среди чувашей региона, что иногда способствуют ситуативному воспроизводству обряда в разных сельских сообществах.

Ключевые слова: чувашки, Республика Башкортостан, обрядовая культура, очистительный обряд сёрен, локальные варианты и особенности.

Финансирование: исследование выполнено в рамках Государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021-2024 гг.

Igor G. Petrov

**THE RITE SEREN IN THE CHUVASH VILLAGES
OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN:
TRADITIONS AND MODERN LOCAL FEATURES**

Abstract: *the article deals with the issues of modern existence of the cleansing rite of the spring cycle sĕren among the Chuvash living on the territory of the Republic of Bashkortostan. This topic has not yet become an object of scientific study, which determines the relevance of this work. The purpose of the study is to study the local features of the rite, as well as the processes of its transformation at the current stage, tasks – a brief analysis of the historiography of the issue in scientific literature, a general description of the essence and content of the ritual, its local manifestations in various areas of residence of the Chuvash, the role of the rite in modern ritual practice. The study was conducted using the principles of historicism, objectivity, consistency, specificity, as well as special methods of field ethnography – included observation and interviews. The work is based on the author’s field materials collected in 2002–2004, 2020, 2022 years in the Chuvash villages of the western, south-western, central and southern regions of the republic. The results of the study showed that the seren rite has undergone significant changes in recent decades. In most settlements, he completely fell out of ritual life and remained in the memory of old-timers, in others he underwent reduction and decreased on a scale and continues his existence as a vital ritual. The latter is probably due to the stability of traditional religious ideas among the Chuvash of the region, which sometimes contribute to the situational reproduction of the rite in different rural communities.*

Keywords: *Chuvash, Republic of Bashkortostan, ritual culture, cleansing rite seren, local variants and features.*

Funding: *the study was carried out within the framework of the State Assignment of the IES USC RAS for 2021-2024.*

Введение

Календарная обрядность чувашского народа представляет собой большое разнообразие. В нем в течение нескольких столетий в тесном переплетении существуют и развиваются традиционные чувашские и христианские обряды, а также ритуалы, воспринятые в результате тесных контактов из обрядности иных народов.

Праздники и обряды постоянно эволюционируют и трансформируются: меняются их смысловое содержание, формы празднования, состав участников, песенное сопровождение, ритуальная атрибутика. В результате этого первоначальная суть многих традиционных обрядов оказалась утраченной, а некоторые из них, потеряв свою религиозную сущность, приобрели характер народных увеселений и развлечений. В то же время некоторые аутентичные обряды и праздники продолжают свое бытование, и в современных условиях наполняются новым содержанием и смыслом. Ярким тому примером служит весенний обряд пасхального цикла *сёрен* чувашей Республики Башкортостан, который в ряде селений не только сохранился в народной памяти, но и проводится с активным участием местного населения.

Цель исследования – изучение локальных особенностей обряда, а также процессов его трансформации на нынешнем этапе, задачи – краткий анализ историографии вопроса в научной литературе, общая характеристика сущности и содержания ритуала, его локальных проявлений в различных районах проживания чувашей в республике, роли обряда в современной ритуальной практике.

Объект исследования. Объектом исследования является сельское чувашское население, проживающее на территории современной Республики Башкортостан. По переписи 2020 г. численность лиц чувашской национальности в республике составила 80 тыс. чел. Это пятая этническая общность после русских, башкир, татар и марийцев. Наиболее многочисленными и компактными группами они представлены в юго-западных, западных и центральных районах республики. Заселение Южного Приуралья чувашским населением происходило одновременно с освоением территорий Закамья и Заволжья в XVII-XX вв.

Хотя основной костяк переселенцев в край составляли низовые и средненизовые чуваша, в отличие от территории исторической родины здесь не сложились четко очерчиваемые ареалы расселения этнографических групп. Это связано с тем, что в ходе массовых переселений, которые растянулись на несколько столетий, в одни и те же местности (уезды, волости, а то и селения) прибывали чуваша разных этнографических групп. Поэтому в Южном Приуралье стали складываться вторичные, более поздние по времени формирования этнотерриториальные группы с новыми культурными и языковыми формами, которые сложились в результате «взаимодействия прежних традиций и их дальнейшего развития и трансформации, в том числе связанной с культурно-языковым взаимодействием между чувашами и иноэтническим окружением» [Чуваши, 2017, с. 87]. Из шести этнотерриториальных групп, сформировавшихся в Урало-Поволжье в XVII-XIX вв. (приволжской, закамской, заволжской, бузулукской, приикской и прибельской) две последние группы сложились на территории Южного Приуралья. Приикская группа охватывает территорию вдоль бассейна р. Ик и ее притоков, прибельская – в бассейне верхнего и среднего течения р. Белая. В свою очередь каждая из них подразделяется на подгруппы, которые характеризуются определенным комплексом культурно-языковых особенностей. В приикской группе таковыми являются северная, или сюньская, центральная, или белебеевская (усеньская), западная, или абдулинская, в прибельской – северная, или кармаскалинская, центральная, или бишкаинская, косяковская и южная подгруппы [Ягафова, 2007, с. 208, 407; Чуваши, 2017, с. 90–92].

Материалы и методы исследования

Источниковой базой работы послужили труды исследователей XIX-XX вв., а также новые публикации по теме, изданные в последние десятилетия. Большим подспорьем стали статьи, опубликованные в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина, а также немногочисленные этнографические очерки и описания начала XX в., которые сконцентрированы в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН).

Исследование проведено с использованием основополагающих принципов исторических исследований: историзма, объективности, системности, конкретности. Кроме этого, использованы сравнительно-исторический, описательный методы, а также специальные методы полевых этнографических исследований – включенное наблюдение и интервью. Последние позволили зафиксировать специфические особенности празднования *сёрен* в современных условиях с учетом локальных комплексов. В работе использованы полевые материалы автора (ПМА), собранные в ходе следующих экспедиций в чувашские селения Республики Башкортостан: ПМА 2002 – с. Ефремкино, Ильтеряково, Суук-Чишма Кармаскалинского, с. Тряпино Аургазинского районов; ПМА 2003 – с. Ахманово, д. Юльtimiровка Бакалинского, с. Кирюшкино, Новоселка, Теняево, д. Веселовка Федоровского района; ПМА 2004 – с. Зирган Мелеузовского, с. Тятербашево Стерлибашевского, с. Уязыбашево, д. Кекен-Васильевка, п. Дубровка Миякинского районов; ПМА 2020 – с. Манеево Аургазинского района; ПМА 2022 – с. Асавбашево, Месели, Манеево, д. Малый Нагадак Аургазинского, с. Васильевка Ишимбайского, с. Кирюшкино, Новоселка, д. Веселовка Федоровского районов.

Результаты исследования и их обсуждение

В историко-этнографической литературе XIX – начала XX вв. исследования чувашских календарных обрядов и праздников, в том числе обряда *сёрен*, в основном носят описательный и фрагментарный характер. Интересные, хотя и разрозненные материалы о данном ритуале имеются в работах В. А. Сбоева [Сбоев, 1865], А. Ф. Риттиха [Риттих, 1870], В. К. Магницкого [Магницкий, 1881], В. И. Михайлова [Михайлов, 1891], Ф. Н. Никифорова [Никифоров, 1905], Г. И. Комиссарова [Комиссаров, 1911], Н. В. Никольского [Никольский, 1911]. Из иностранных ученых в начале XX в. ценные сведения об обряде запечатлел венгерский исследователь Д. Месарош [Месарош, 2000]. В советское время обряд *сёрен* проанализирован в исследованиях П. В. Денисова [Денисов, 1959], М. Я. Сироткина [Сироткин, 1965], Н. П. Денисовой [Денисова, 1984]. Из научных публикаций последних десятилетий обряд *сёрен* и его аналог *вирём*

получили освещение в работах В. Г. Родионова [Родионов, 1990], А. К. Салмина [Салмин, 2007], Е. А. Ягафовой [Ягафова, 2007]. Что же касается обряда *сёрен* чувашей, проживающих в Южном Приуралье, он в историко-этнографическом отношении почти не изучен. Фрагментарные описания обряда, зафиксированные в некоторых чувашских селениях Уфимской губернии, имеются в словаре чувашского языка Н.И. Ашмарина¹, а также монографии Е. А. Ягафовой [Ягафова, 2007]. Такие же разрозненные сведения представлены в рукописном фонде Н. В. Никольского, хранящегося в научном архиве ЧГИГН. Таким образом, в имеющихся исследованиях обряд *сёрен* в большей мере представлен в качестве инвариантного явления. В контексте локального варианта он рассмотрен лишь в отдельных публикациях. Применительно к Южному Приуралью данный обряд не становился предметом специального исследования, что подчеркивает его актуальность и научную значимость.

Сёрен – один из очистительных обрядов календарной обрядности весенне-летнего цикла низовых чувашей, имеющий своей целью изгнание злых духов и болезней. Диалектным вариантом обряда является также термин *сёрем*. По исследованиям лингвистов, *сёрен* происходит от древнетюркского корня *сўр* «гнать вперед, прогонять» [Денисова, 1984, с. 156; Салмин, 2007, с. 96]. Другим синонимичным термином обряда *сёрен*, который закрепился среди верховых и части средненизовых чувашей, является *вирём*. В ряде мест обряд известен также под названиями *вир-вир*, *вири*, *вирми*, *верве*, *вирмече*² [Комиссаров, 1911, с. 386; Магницкий, 1881, с. 126]. В XIX – начале XX вв. под такими названиями обряд бытовал у чувашей-вирьял в Ядринском и Козмодемьянском уездах Казанской губернии, а также у низовых чувашей в некоторых селениях Буинского и Тетюшского уездов Симбирской и Казанской губерний [Чуваши, 2017, с. 440]. Этимологию названия обряда А. К. Салмин объясняет марийско-мордовско-удмуртским корневым словом *вир* «кровь», что, по его мнению,

¹ Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 11. С. 316–319.

² Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 5. С. 239–243.

⁶ <https://phsreda.com>

«вполне объяснимо в контексте ритуала мункун, с которым *сёрен* имеет тесную временную и функциональную связь» [Салмин, 2007, с. 96]. М. Я. Сироткин его происхождение связывает со словом *вирт* «костер», который чувашаи в *калём кун* (день мертвых) раскладывали во дворе для поминаемых ими покойников [Сироткин, 1965, с. 12]. Другие исследователи склонны видеть в этом слове позднее христианское наслоение, возникшее после внедрения в чувашский обрядовый календарь обряда очищения от нечисти с помощью веток вербы, в результате чего русские слова *верба* и *вербный* чувашаи в своем языке были перформативированы в *вирми* или *вирём* [Родионов, 1990, с. 21].

Несмотря на то, что *вирём* и *сёрен* являются названиями одного и того же обряда, исследователи отмечают, что они различаются по времени проведения. Если *вирём* всегда проводился накануне Пасхи, либо за неделю до него, либо в четверг или субботу Страстной недели, то *сёрен* представлял заключительный обряд пасхальных праздников и, как правило, проводился после Пасхи в понедельник или в другие последующие дни [Чуваши, 2017, с. 440]. До принятия христианства ритуал был приурочен к обряду *калём / калём кун*, посвященного поминовению усопших. Как писал В. А. Сбоев, чувашаи в среду на Страстной неделе сперва поминали умерших родственников с жертвоприношением в честь Высшего Бога (*калым-кон*), а потом через три дня, т. е. в субботу проводили обряд «изгнания шайтана и вообще злых духов из домов и деревень» [Сбоев, 1865, с. 144]. О проведении верховыми чувашаи обряда *вирём* в ночь Страстной субботы перед Пасхой писал и В. К. Магницкий [Магницкий, 1881, с. 126]. Такая же дата и последовательность проведения обрядов указывается в словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина³. Есть также сведения о проведении *вирём* в Лазареву субботу шестой седмицы Великого поста⁴.

Низовые чувашаи, по данным Д. Месароша, в среду Страстной недели сперва проводили *калём кун*, а на следующий день в четверг – *сёрен* [Месарош, 2000, с. 167]. С принятием христианства чувашаи *калём кун*, а вслед за ним и Пасху вме-

---

³ Там же. С. 241, 242.

⁴ Там же.

сто среды стали отмечать в воскресенье, а *сёрен* соответственно перенесли на понедельник. Несмотря на то, что такая последовательность проведения ритуалов соблюдалась в большинстве селений низовых чувашей, в некоторых из них они проводились не всегда в одно и то же время. В одних местностях *сёрен* праздновали в ночь на *мáнкун*, т. е. в субботу⁵ [Ягафова, 2007, с. 338], в других – непосредственно в день Пасхи⁶. В Тетюшском, Цивильском, Чистопольском уездах Казанской губернии, а также на Самарской Луке *сёрен* проводили летом без привязки к пасхальным праздникам. Его приурочивали либо к общесельскому полевому молению *уй чу́ккё / учук*, либо к Пятидесятнице (Семику), либо к Петрову дню⁷ [Чуваши, 2017, с. 442]. Отмеченные выше расхождения отчасти объясняются влиянием православной религии, а также доминированием в разных ареалах расселения чувашей соответствующих этнографических и локальных традиций.

Необходимость обряда *сёрен* и *вирём* в календарной обрядности чувашей был обусловлен их религиозными верованиями и представлениями. Чуваши считали, что в *калám кун*, отождествляемый ими как начало нового года, а также на следующий день, связанный с поминовением предков, для участия в трапезе в их дома с кладбища приходят души умерших. Кроме этого, бытовало поверье, что в *калám кун*, а в более поздних представлениях – в ночь перед Пасхой активизируется зловредная деятельность колдунов и злых духов. Чтобы оградить себя от их злых козней, в прошлом чуваши совершали различные магические действия: очерчивали железным предметом дома и усадьбы, ножом или углем над дверями и окнами делали видимые или невидимые изображения креста, на пригорках разжигали костры, окуривали дымом сады, огороды, хмельники, скотные дворы, стреляли из ружей, в домах с помощью свечей и лучин до рассвета поддерживали огонь и т. д.⁸ [Денисов, 1959, с. 126–127; Денисова,

⁵ Ашмарин Н. И. Чáваш сáмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 11. С. 318.

⁶ Там же. С. 317, 318.

⁷ Там же.

⁸ Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2018. С. 168–171.

⁸ <https://phsreda.com>

1984, с. 154–155]. Однако, по народным верованиям, для борьбы с «нечистой силой» этих мер было недостаточно. Чтобы изгнать из жилищ души умерших обратно на кладбище, а вместе с ними и всякую нечисть, необходимо было провести специальный очистительный обряд – *вирём* или *сёрен*. Основным его содержанием является подворный ритуальный обход деревни. В день совершения обряда после заката солнца подростки и неженатая молодежь мужского пола, вооружившись заранее приготовленными ветками рябины, начинали шествие по деревне, посещая дома односельчан. Иногда вместо рябиновых прутьев использовали ветки и палки, сделанные из черемухи, ивы, вербы, шиповника, вяза и других деревьев. По представлениям чувашей, эти деревья, в особенности рябина и шиповник, обладали мощной очистительной силой. Вместе с тем они символизировали весну, пробуждение природы и плодородие. В некоторых местностях вместо них использовали деревянные палки, сабли, копья, соломенные или кожаные нагайки. Другим обязательным атрибутом являлись деревянные трещотки – *шатёрма*, *шатёрка*⁹ [Денисова, 1984, с. 157], *шатёрмак*, *шатёрма*, *сёрен*¹⁰. Шум, издаваемый трещотками и ударами прутьев, по народным верованиям, выполнял устрашающую злые духи и болезни функцию.

Если село или деревня были большими, такие обходы одновременно совершали две или три команды. Источники также указывают, что в каждой команде, следуя строгой иерархии, выбирали начальников: старшину, голову, старосту, казначея, возового или музыканта¹¹. Войдя во двор, участники шествия громко кричали «*Сёрен!*» и имеющимися прутьями хлестали по забору, ограде, надворным постройкам, жилищу, и приговаривали ритуальное заклинание: «*Чир-чёр кайтёр! Чир-чёр кайтёр!*» (Пусть уйдут хворь и болезни!). Для изгнания злых духов и болезней очистительный обряд проводили и внутри дома. С разрешения хозяина участники церемонии прутом или нагайкой хлестали

⁹ Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 5. С. 240, 241.

¹⁰ Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. Казань–Чебоксары, 1928–1950. Выпуск 11. С. 316–317.

¹¹ Там же. С. 316.

по членам семьи, одежде, постельным принадлежностям, мебели, посуде, окнам и стенам жилища. Хозяева в ответ угощали старших из них пивом, медовухой, вином, а одному из начальников вручали несколько монет, хлеб и яйца¹². В других местах, в зависимости от состоятельности, им давали масло, крупу, молоко, домашние сырки, калачи, ватрушки, пироги, блины, малинки и другую снедь. В благодарность за угощение и полученные продукты молодые люди под сопровождение музыкальных инструментов пели ритуальные песни (*сёрен юрри*), танцевали, а затем благословляли хозяев, желая им здоровья и благополучия. После этого участники обрядового шествия с криками и песнями отправлялись к следующему дому. Во время обряда участники обряда руководствовались не только идеей очищения членов социума от злой нечисти, но и стремлением избавиться от всего чужого по отношению к конкретной сельской общине. Если процессия на своем пути повстречала татар, башкир или русских, то с них снимали тубетейки, требовали выкуп¹³, хлестали прутьями и изгоняли за пределы селения [Денисова, 1984, с. 158], избивали [Чуваши, 2017, с. 441]. Объяснялось это тем, что, по суеверным представлениям чувашей, представители иной национальности и религии в день проведения *сёрен* рассматривались, как нечистые, а также как материальное «воплощение злых духов и болезней» [Денисова, 1984, с. 158]. После обхода участники *сёрен* собирались на западной окраине деревни или на поляне перед кладбищем. Здесь они разжигали костер, варили кашу, поровну делили между собой собранные деньги и продукты, а затем принимались за коллективное угощение. Часть продуктов, поминая умерших и духов, кидали в сторону кладбища или оставляли собакам. Завершая обряд, они бросали в огонь прутья и трещотки, перепрыгивали через костер и до восхода солнца возвращались домой.

До начала XX в. примерно в такой последовательности обряд проходил во многих чувашских селениях Урало-Поволжья, в том числе в Южном Приуралье. На данной территории он имеет тесную связь с Пасхой *мáнкун* и проводит-

---

¹² Там же.

¹³ Там же.

10 <https://phsreda.com>

ся в соответствии с традицией низовых чувашей. Другим аргументом в пользу этого является термин *сёрен*, сохранившийся в низовом диалекте. В прошлом обряд, очевидно, был привязан к чувашской Пасхе *калӑм кун* и проводился в четверг Страстной недели после поминовения предков. Потом с укреплением православия дата проведения пасхальных праздников подверглась трансформации, в результате чего Пасха стала праздноваться в воскресенье, а *сёрен* в понедельник. Тем не менее, и в Башкортостане обряд проводился в разное время. Перед Пасхой, т. е. в ночь с субботы на воскресенье (*мӑнкун каç, мӑнкун умён, мӑнкунччен, мӑнкун çитиччен*) обряд проводили в с. Месели Аургазинского, Теняево Федоровского, Васильевка Ишимбайского, Тятербашево Стерлибашевского районов; на Пасху (*мӑнкун çитсен, мӑнкунта*) – в с. Кирюшкино, д. Веселовка Федоровского района, с. Кекен-Васильевка Миякинского района; в понедельник пасхальной недели (*мӑнкунӑн иккёмёш кунёнче, мӑнкун хыççӑн тунтикун*) – в с. Асавбашево, Манеево, д. Малый Нагадак Аургазинского района, с. Уязыбашево, п. Дубровка Миякинского района, д. Юльtimiровка Бакалинского района; во вторник после Пасхи (*мӑнкун иртсен, ытларикун*) – в с. Зирган Мелеузовского района. Тем не менее во всех приведенных примерах главным ориентиром для проведения *сёрен* считается православная Пасха [ПМА 2002–2022].

Некогда обряд был распространен на обширной территории Южного Приуралья, в настоящее время в качестве ушедшей или уходящей архаики он сохранился в единичных чувашских селениях. В большинстве из них обряд сохранился лишь в народной памяти. Информанты отмечают, что его когда-то проводили, но потом он оказался в числе забытых или утраченных обрядов.

Рубежными датами, после которых *сёрен* прекратил свое существование, старожилы отмечают довоенные и послевоенные годы (1930–1960). По экспедиционным исследованиям, в с. Васильевка обряд в последний раз отпраздновали в конце 1930 г., в с. Манеево – в 1958–1959 гг., в с. Теняево – в 1960 г. [ПМА 2022]. В традиционном контексте, как составная часть обрядового календаря весеннего или пасхального цикла, *сёрен* в настоящее время бытует в

Аургазинском (с. Асавбашево, д. Чувашский Нагадак) и Мелеузовском (с. Зирган) районах РБ [ПМА 2004; ПМА 2022]. В прошлом основными участниками обряда были взрослые мужчины, неженатые парни и подростки. Девушки в их число не включались. Ныне в обряде участвуют подростки, дети и несколько пожилых мужчин (Асавбашево), женатые и неженатые мужчины (Зирган), женщины (Малый Нагадак). Сам ритуал носит название *сёрен хывалани* (досл. изгнание сёрен).

В Асавбашево подворный обход с целью сбора продуктов начинается в понедельник пасхальной недели после обязательного проведения обряда поминовения предков *ваттисене асанны*. Шествия участников *сёрен* начинаются после захода солнца одновременно с двух противоположных концов села. У одних из них в руках имеются самодельные деревянные трещотки, у других – свежесрезанные прутья ивы или шиповника. Один из них, наделенный функциями сборщика продуктов и угощений, тащит за собой небольшую тележку. На улице этими прутьями со словами «*Чир-чёр кайтёр!*» (Пусть уйдут хворь и болезни!) они охаживают всех встречаемых людей. Таким же образом поступают с хозяевами домов, которых поочередно посещают. Кроме того, прутьями они ударяют по воротам, калитке, забору, наличникам, окнам, стенам домов и надворных построек. Подойдя к крыльцу, все хором кричат: «*Виç икерчĕ, виç çăмарта!*» (Три блина, три яйца!). Хозяева выходят во двор и сборщику продуктов вручают три блина, три яйца, пол-литра водки или самогона, полтора литра домашнего или покупного пива. Все это сборщик складывает в тележку, и участники процессии переходят к следующему дому. Одаривание и угощение являются обязательными, так как жители села твердо верят, что благодаря этому они избавляются от болезней и всего плохого. Такое же сакральное значение они придают ритуальному хлестанию их прутьями. Если ребята не пускают во двор и не дают угощения, последние в адрес хозяев насылают различные проклятья и несчастья. Например: «*Чăххисем вилсе пĕтчĕр!*» (Пусть подохнут куры!), «*Чăххисен кучĕсем сурăлчĕр!*» (Пусть разорвутся куриные задницы!) и т. д. Некоторые хозяйки в качестве подношений им вручают яйца, блины и пироги, которые остались после празднования Пасхи. Закончив обход деревни,

участники обряда собираются на лужайке около кладбища, разводят костер и принимаются за коллективное угощение. После трапезы бросают в огонь бывшие в употреблении прутья и перепрыгивают через него, чтобы очиститься от скверны и болезней. Остальные участники обряда убирают поляну от мусора, тушат огонь, а излишки еды и напитков забирают с собой и угощают односельчан [ПМА 2022].

В таком же формате *сёрен* проходит в Малом Нагадаке Аургазинского района. Основными организаторами и участниками обряда выступают женщины, хотя иногда к ним присоединяются и мужчины. Они вооружаются ветками ивы или вербы, для сбора продуктов берут с собой ведра и совершают подворный обход деревни. Начинают всегда с восточного конца, а заканчивают на западной окраине. Подойдя к дому, все одновременно кричат: «*Сёрен, сёрен! Пёр нўремечё, ук сёмарта!*» (Сёрен, сёрен! Один перемяч, два яйца!). Перемяч представляет собой круглую ватрушку из теста с начинкой из вареного проса или яиц сверху с добавлением масла или сметаны. Получив от хозяев затребованное, словами «*Чир-чёр кайтёр!*» (Пусть уйдут хворь и болезни!) хлещут их прутьями. Обойдя все дома, они идут в сторону кладбища и на окраине деревни по земле катают ватрушку, примечая какой стороной она упадет: если начинкой вверх, то в деревне все будет благополучно, а если наоборот – жди болезни и несчастья [ПМА 2022].

Обряд катания лепешки *нўремечё кустарни* когда-то практиковался и в с. Тряпино того же района. Однако здесь ватрушка готовилась с картофельной начинкой. Если последняя падала на землю начинкой вверх, это сулило жителям хороший урожай картофеля, а если наоборот – урожай зерновых [ПМА 2002]. Вероятно, в прошлом обряд с ватрушкой проводился с целью умиловить души покойников, чтобы они были сыты и довольны. Потом, с течением времени, он превратился в элемент гадания. По А. К. Салмину, на заключительном этапе участники *сёрен* бросали или катали также куриное яйцо [Салмин, 2007, с. 104]. После этого участники коллективного шествия собираются на окраине деревни, разжигают костер и трапезничают. Затем сжигают принесенные с собой прутья, перепрыгивают через огонь и возвращаются в деревню. Оставшие-

ся продукты делят между собой, раздают односельчанам, а потом продолжают веселье у кого-нибудь в доме [ПМА 2022].

Любопытные подробности об обряде удалось зафиксировать в с. Манеево того же района республики. До начала 60-х гг. XX в. дети и подростки также ходили по домам, собирали продукты, а имеющимися в руках прутьями проводили очистительный обряд. Кроме этого, в этот день они пользовались языком с обратным смыслом – *кутӑнла каласӑнӑ*. Например, когда подходили к дому, они кричали: «*Сёрен мар! Сёрен мар! Ан парӑр! Ан парӑр!*» (Не сёрен! Не сёрен! Не давайте! Не давайте!). Когда хозяйева давали им что-нибудь из продуктов, они кричали: «*Памарёç! Памарёç!*» (Не дали! Не дали!). А если хозяйева их отпускали ни с чем, тогда кричали: «*Пачёç! Пачёç!*» (Дали! Дали!). Таким же языком общались тогда, когда встречали людей на улице. Если последние желали от них уйти не отхлестанными, они должны были им сказать: «*Çанӑр! Çанӑр!*» (Бейте! Бейте!). Если же они по незнанию тайного языка говорили: «*Ан çанӑр!*» (Не бейте!), участники ритуала действовали наоборот и хлестали их до тех пор, пока они не скажут обратное [ПМА 2020, ПМА 2022].

Другим населенным пунктом, где данный обряд все еще бытует, является большое этнически смешанное село Зирган, которое находится в Мелеузовском районе на юге республики. По воспоминаниям информантов, в прошлые десятилетия (до 50–60-х гг. XX в.) в обряде *сёрен* в основном участвовали неженатые парни, подростки и дети. Яйца и продукты они собирали в ведра и, объединившись в несколько партий, совершали обход домов, где проживали чувашаи. В целях очищения домов и домохозяев от скверны пользовались рябиновыми или ивовыми прутьями. Потом они объединялись в общую команду и отправлялись на берег р. Белой провожать обряд – *сёрен йсатма каяççё*. Там разводили костер и приступали к коллективному поеданию собранных продуктов. Под конец обряда все до единого перепрыгивали через огонь, а использованные прутья бросали в реку и возвращались по домам. В настоящее время участниками обряда являются взрослые женатые и неженатые мужчины.

Кроме чувашей в *сёрен* участвуют также татары, мордва и русские. Обход домов начинают ночью во вторник пасхальной недели. Вооружившись ивовыми прутьями, подходят к дому, начинают хлестать по воротам или калитке, а один из них по-чувашски кричит: «*Сёрен! Сёрен! Ик сáмарта, пёр нуремечё!*» (Сёрен! Сёрен! Два яйца, один перемач!). Хозяева выходят во двор, угощают домашним пивом, вином или водкой, а затем в мешочке или пакете вручают затребованные продукты. Ожидая их, в течение всей ночи они не запирают двери, а в домах не выключают свет. Обойдя все чувашские подворья, участники обряда собираются в каком-нибудь доме и устраивают трапезу, нередко с выпивкой алкогольных напитков [ПМА 2004]. Как видим, в настоящее время в данном селении завершающий ритуал выкидывания прутьев в реку уже не проводится.

В качестве забытого обряда уходящей старины *сёрен* остался в памяти жителей чувашских селений в западных, юго-западных и южных районах республики – в Бакалинском, Миякинском, Стерлибашевском, Федоровском. Так, в с. Тятербашево отметили, что его в прошлом праздновали накануне Пасхи. Сборщиками продуктов были взрослые мужчины, некоторые из них объезжали дома односельчан верхом на лошади. Сперва хозяева их угощали пивом, а потом наделяли яйцами, блинами, пирогами, домашними сырками и т. д. Потом все собранные продукты где-нибудь на улице они выкладывали на домашний ковер *палас* и на угощение созывали деревенскую детвору [ПМА 2004]. Об участии в *сёрен* конных всадников отметили также в д. Юльtimiровка Бакалинского и в с. Уязыбашево Миякинского районов Башкирии. Подойдя к домам, с криками «*Сёрен! Сёрен!*» ветками шиповника или нагайками они ударяли по воротам, надворным постройкам, окнам и стенам жилища и просили у хозяев различные угощения [ПМА 2003; ПМА 2004].

В чувашских селениях Миякинского и Федоровского районов обряд *сёрен* помнят в основном старожилы. Из всего комплекса обряда они смогли рассказать нам лишь о том, как во время празднования *сёрен* детей и подростков взрослые одаривали яйцами, блинами, орехами, а также о том, что во время обряда из деревни изгоняли татар и башкир соседних сел и деревень. Это было

связано не только с тем, что в чувашские деревни на Пасхе, чтобы поживиться съестными продуктами, часто наведывались просящие милостыню татары [ПМА 2003; ПМА 2022], но и давно укоренившимся в народном сознании запретом, согласно которому в день совершения обряда люди иной веры и национальности могли навлечь на сельскую общину болезни и несчастья [Денисова, 1984, с. 158; Чуваши, 2017, с. 441]. Поэтому в день *сёрен*, чтобы избавить знакомых татар от коллективной экзекуции, чувашаи всячески отговаривали их приходить к ним в гости или же прятали их где-нибудь в подворье или в другом надежном месте [ПМА 2022].

Таким образом, в настоящее время, обряд *сёрен* в своем аутентичном виде сохранился и бытует в единичных селениях Аургазинского и Мелеузовского районов РБ, в которых в основном проживают низовые чувашаи (*анатри*), входящие в прибельскую этнотерриториальную группу. В селениях верховых чувашей (*вирьял*), которые в немногочисленном числе также имеются в западных, центральных и южных районах Башкирии, указанный ритуал в их обрядовом календаре не сохранился.

Выводы

Таким образом, обряд *сёрен* в чувашских селениях Республики Башкортостан за последние десятилетия претерпел значительные изменения. В большинстве населенных пунктов он полностью выпал из обрядовой жизни и остался в памяти старожиллов, в других он подвергся редукции и сократился в масштабах и продолжает свое бытование как жизненно важный ритуал. Причины угасания обряда *сёрен* кроются в объективных условиях функционирования ритуала: в уменьшении значения и роли сельской общины как социальной основы общесельской обрядности, сокращении числа жителей, хорошо знающих его тонкости и местные особенности, нарушении механизмов трансляции знаний об обряде между поколениями, значительном снижении уровня востребованности обряда со стороны сельского сообщества. Вместе с тем в некоторых локациях, главным образом в прибельской зоне, обряд демонстрирует удивительную живучесть. Вероятно, это обусловлено устойчивостью языческих религиозных

представлений среди чувашей Южного Приуралья, которые в разной степени проявляют себя и в обрядовой сфере. Сохраняясь в памяти старшего поколения, при необходимости язычество способствует ситуативному воспроизводству культовой практики. Благодаря этому архаический обряд *сёрен* здесь не только не канул в небытие, но и активно функционирует, хотя в нем проглядываются некоторые изменения, вызванные современными условиями функционирования и местными особенностями.

Список литературы

1. Денисов П. В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1959. 408 с.
2. Денисова Н. П. Зимние и весенние календарные праздники чувашских крестьян (XIX – начало XX в.) / Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики // Исследования по чувашскому фольклору. 1984. С. 142–166.
3. Комиссаров Г. И. Чувашаи Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1911. Том 27, выпуск 5. С. 311–421.
4. Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры : собранные в некоторых местностях Казанской губернии. Казань : Типография Императорского университета, 1881. 266 с.
5. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / перевод с венгерского Ю. Дмитриевой. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2000. 360 с.
6. Михайлов В. И. Обряды и обычаи чуваш. Санкт-Петербург : Паровая старопечатня Яблонского, 1891. 42 с.
7. Никифоров Ф. Н. Стюхинские чувашаи. Казань : Типолитография университета, 1905. 26 с.

8. Никольский Н. В. Краткий конспект по этнографии чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1911. Том 26, выпуск 6. С. 511–624.

9. Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Том 14 : Казанская губерния, часть 2. Казань : Типография Императорского университета, 1870. 225 с.

10. Родионов В. Г. О системе чувашских языческих обрядов // Чувашская народная поэзия. Чебоксары 1990. С. 3–64. EDN ZGXEGP

11. Салмин А. К. Система религии чувашей. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 654 с. EDN QYIZDX

12. Сбоев В. А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношении: их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. Москва : Типография Орлова, 1865. 188 с.

13. Сироткин М. Я. Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1965. 132 с.

14. Чуваша : сборник / ответственные редакторы В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова ; Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Москва : Наука, 2017. 654 с. EDN YXCHJN.

15. Ягафова Е. А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2007. 530 с.

References

1. Denisov P. V. (1959). Religioznye verovaniya chuvash: istoriko-etnograficheskie ocherki. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.

2. Denisova N. P. (1984). Zimnie i vesennie kalendarnye prazdniki chuvashskih krest'yan (XIX – nachalo XX v.). Issledovaniya po chuvashskomu fol'kloru, 142–166.

3. Komissarov G. I. (1911). Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya. Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete, 27(5), 311–421.

4. Magnickij V. K. (1881). Materialy k obyasnenu staroj chuvashskoj very : sobrany v nekotoryh mestnostyah Kazanskoj gubernii. Tipografiya Imperatorskogo universiteta
5. Mesarosh D. (2000). Pamyatniki staroj chuvashskoj very. Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk.
6. Mihajlov V. I. (1891). Obryady i obychai chuvash. Parovaya staropechatnaya Yablonskogo.
7. Nikiforov F. N. (1905). Styuhinskie chuvashi. Tipolitografiya universiteta.
8. Nikol'skij N. V. (1911). Kratkij konspekt po etnografii Chuvash. Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete, 26(6), 511–624.
9. Rittih A. F. (1870). Materialy dlya etnografii Rossii. Vol. 14 : Kazanskaya guberniya, part 2. Tipografiya Imperatorskogo universiteta. EDN ZGXEGP
10. Rodionov V. G. (1990). O sisteme chuvashskih yazycheskih obryadov. Chuvashskaya narodnaya poeziya, 3–64.
11. Salmin A. K. (2007). System of the Chuvash folk religion. Nauka. EDN QYIZDX
12. Sboev V. A. (1865). Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyah: ih proiskhozhdenie, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr. Tipografiya Orlova.
13. Sirotkin M. YA. (1965). Chuvashskij fol'klor: ocherk ustno-poeticheskogo narodnogo tvorchestva. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
14. Aksyanova G. A., Boyko I. I., Denisova N. P., Egorov D. V., Egorov N. I., Egorova O. V., Ivanov V. P., Ivanov-Orkov G. N., Kondrat'ev M. G., Korostelev A.D., Kuznetsov A.V., Lebedeva E. G., Matveev G. B., Milyutin V. A., Nikolaev G. A., Sergeeva E. V., Terent'eva O. N., Fokin P. P., Kharitonova V. G., Yagafova E. A., ... Stepanov V. V. (2017). Chuvashi. Nauka. EDN: YXCHJN.
15. Yagafova E. A. (2007). Chuvashi Uralo-Povolzh'ya: istoriya i tradicionnaya kul'tura etnoterritorial'nyh grupp (XVII – nachalo XX v.). Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk.

Петров Игорь Георгиевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Российская Федерация.

Igor G. Petrov – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation.
